

Смертельная Вера / The Killing Creed (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Смертельная Вера / The Killing Creed
(рассказ)

Автор	Энди Кларк / Andy Clark
Переводчик	Alkenex
Издательство	Warhammer Community
Серия книг	Psychic Awakening
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

ПСИХИЧЕСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Коварны уловки врагов человечества. Ничего не подозревающее население может многими путями приобщиться как к философии Империи Т'ау, именуемой «Великим Благом», так и к порочным религиозным ритуалам культов генокрадов. В перекрестье одного из ассасинов-виндикаров попадает проповедник, и убийца должен выяснить, как обстоят дела с этим священником. Если тот молвит

слово Императора, значит останется жив, но если его проповеди порчены волей чужаков, то он умрет...

Смертельная Вера

Горгульи следят за мной, пока я готовлюсь к убийству.

Их каменные немигающие глаза пристально смотрят, а в это время я с обстоятельной неторопливостью поочередно разминаю каждый мускул. Они наблюдают за тем, как я привожу дыхание в норму и ощущаю учащающееся сердцебиение в своей груди.

Они следят за мной уже шестнадцать дней, и все это время я был почти столь же недвижим, как и они. Приходили и уходили дожди, заставляющие блестеть каменные бока горгулий и матово-черную синтешкуру моего нательного костюма. Над головой гроыхал гром и вспыхивали молнии, чье сердитое сверкание приглушалось системами экранирования окружающей среды, встроенных в разведмаску, так что на буйство природы я обращал внимания едва ли больше, чем мои каменные спутники. Им было плевать на окружающий их мир, также как и мне.

Между нами словно родственная связь.

Но теперь она должна порваться. Они могут и дальше с безразличием взирать на многочисленное человеческое население, однако для меня такая роскошь непозволительна. Если биохоральные ауспики в моем оборудовании не ошибаются - а они никогда не ошибаются - то значит в ближайшее время я приступлю к своему делу, связанному с людьми этого мира.

Триста пятьдесят два фута подо мной. Семьдесят шесть футов слева от меня. Он там. Кардиоспектральный перкуторный сигнал доносит до меня его далекое сердцебиение, отсеянное от сотен тысяч других. Едва заметная аритмия, которая говорит о том, что человеческое тело уже вышло за пределы естественной продолжительности жизни при помощи постоянных омолаживающих процедур, а также несущественный дефект двустворчатого клапана сердца, оставшийся после перенесенной в детстве сангвамории.

Ребенок из менее богатой семьи не пережил бы столь беспощадной болезни, однако семья кардинала Дженгвая охотно выделила колоссальные ресурсы ради спасения своего отпрыска.

У них были на него планы. Амбициозные.

Медленно и плавно я поднимаюсь. словно расплавленная ртуть, я текуче меняю позу на протяжении трех полных минут, чтобы обмануть детектирующие движение ауспики. Так же медленно я прикладываю к плечу свою снайперскую винтовку «Экзитус» и позволяю машинному духу разведмаски поговорить с оным у оружия. Они давние союзники, эти духи, и отлично убивают вместе.

Иногда, во время тихих месяцев длинного ожидания между очередными целями, я размышляю о том, что являюсь лишь способом передвижения, благодаря которому мое оружие и боевое снаряжение охотятся на добычу.

Конечно же, подобные мысли отдают ересью. Усилиями не одного десятка лет храм Виндикар отточил до совершенства мой разум, тело и дух. Я - живое оружие Официо Ассасинорум, вознесенное над человеческим стадом настолько, насколько те превосходят выращиваемых ими гроксов или паразитов, которых они сжигают в трюмах своих космических кораблей. Я могу убивать без оружия и снаряжения. Их машинные духи служат моей воле, как и всякая машина всегда должна покоряться воле рода человеческого.

Только я направляю свою снайперскую винтовку.

Только я фокусирую свою разведмаску.

Без меня они – ничто. Но с ними я еще могущественнее и опаснее, нежели без них.

Прогоняю прочь не относящиеся к делу мысли, гася случайные искры непослушного сознания одну за одной, пока сосредотачиваюсь на своей мишени. Так происходит всегда после долгого периода ментального бездействия.

Находясь на насесте горгулий, я устремляю взгляд вниз и вижу собирающихся на площади Святого Обращения просителей. Они ждут речи кардинала Дженгвая. Тысячи тысяч посторонних набиваются меж неясно вырисовывающихся поясков Кафедрума Искупителя Имморти. В какой-то момент начинает казаться, что они могут просто раздавить друг друга.

Вероятно, кого-то подобная участь и постигла.

Это не моя забота.

Значение имеет лишь некрупный хмурый мужчина в пышном кардинальском наряде, который прямо сейчас сходит со своего сервопаланкина, чтобы обратиться к толпе. Он стоит на обнесенной зубчатой стеной сцене для обращений в двадцати двух футах над своей паствой. От его бронированной трибуны тянутся золотые крылья аквилы, из самого центра которой исходит защитное силовое поле большой мощности.

Помехой оно не станет.

Вооруженные клинками и грозowymi щитами крестоносцы Экклезиархии охраняют подножие сцены кардинала, а вдоль ее крыльев стоят Адепта Сороритас. Воительницы с бдительным взглядом держат болтеры наготове. Высоко над головой, словно недремлющие тени, рыскают по вечернему небу штурмовики планетарного ополчения. Кастак лежит в самом сердце зоны боевых действий, так что кардинал должен находиться под постоянной защитой.

Но они не смогут защитить его от меня.

Это может сделать лишь он сам. Дженгвай прочищает глотку, сжимает края кафедры и пристально смотрит в находящуюся под ним толпу, однако кардинал не имеет ни малейшего понятия о том, что эта проповедь также служит показанием в пользу его защиты.

Сейчас я не Харун Шейз. Не ассасин храма Виндикар. Я лишь исполнитель приговора Императора. Если речь Дженгвая лжива, Император сразит кардинала, а мое тело, моя винтовка, станут его инструментами.

Довольно странно, что мне приходится ждать подобного. Обычно, к тому времени, как жертва предстает передо мной, она уже мертва, ибо почти во всех случаях мои повелители уверены в измене цели перед тем, как отправить меня на задание.

С Дженгваем все по-другому. И дело тут не в том, что именно делает человек, так как в этом нет ничего удивительного для кардинала. Особенность заключается в зоне боевых действий, где он произносит свою проповедь и где столкнулись три враждующих меж собой вероучения. Отличить здесь свирепого еретика от верного праведника крайне сложно.

Поэтому мне поручили выполнить это задание самым необычным способом. Я должен прослушать обращение кардинала. Должен решить для себя, несет ли он истинное слово Императора, либо же его сообщение искажено одним из двух девиантных вероисповеданий ксеносов, что распространяются в этом секторе. Другие пытались выявить ересь в проповедях этого человека и не преуспели, однако подозрения остались.

Он яркий оратор.

Паства обожает его, ибо люди готовы рискнуть жизнью в давке просто ради того, чтобы взглянуть на кардинала, которого они восхваляют как будущего святого. Если он действительно вещает согласно желанию Императора, то Дженгвай, безусловно, является таким же проводником воли Повелителя Человечества, как и я. Но если, как опасаются некоторые, кардинал несет едва уловимые следы коварной порчи, тогда каждое его слово есть ничто иное как очередная капля яда в уши масс. Тогда мой

долг заставить Дженгвая замолчать.

Он начинает говорить. Стоило лишь первому его слову громко донестись из восхваляющих мегафонов в форме львиной пасти, что установлены на каждой стороне сцены, как толпа мгновенно затихла.

Молчу и я, ожидая между таких же безмолвных горгулий. Я вслушиваюсь в каждое слово этого, предположительно, святого человека, дабы увидеть, какой приговор вынесет Император.

Аудиодатчики маски доносят до меня его проповедь с такой четкостью, словно я лично стою на левом плече кардинала. Дженгвай говорит правильные вещи. Он проповедует о врагах внешних, о бдительности по отношению к врагам внутренним. Кардинал рассказывает об опасностях чужаков, вещает о ереси неверующих и упрекает паству в том, что они могут таить в себе грех. Дженгвай требует от них большего. Люди слушают, восхищенно и истинно веруя. Даже не особо задумываясь о существовании посторонних, я могу уверенно сказать, что они сделают все, что скажет им этот человек. Пока кардинал говорит, я обращаюсь к микроскопической нейронной аугметике внутри моего мозжечка, куда ее хирургическим способом внедрили специально для этого задания. Я умоляю ее машинных духов просеять сотни тысяч часов видеокадров, аудиозаписей и инквизиторских расшифровок. Скупрузно загруженные в них еретические учения не заполняют мой разум. Вместо этого микрокогитаторы улавливают посылаемую мне проповедь, затем сравнивают и сопоставляют каждое высказывание Дженгвая с еретическими речами и наставлениями, которые содержатся в своей памяти.

Какие-то, как я знаю, порчены ненормальным бредом верования Империи Т'ау в Высшее Благо. Другие содержат губительную риторику и сбивающие с толку цитаты из писаний культа Детей Звезд, члены которого с радостью оскверняют свои тела ксеномерзостью Великого Пожирателя.

По мере того, как процесс продолжается, я ощущаю дерганье мышц под правым глазом. Движение едва заметное, но я все равно испытываю отвращение и негодование к чудовищности его значения. Это – доказательство того, что прямо сейчас ропчущая машина вытравливает нечистые вещи из страдающего от них разума. Я с нетерпением жду момента, когда микроаугметику удалят, и тело восстановит абсолютную духовную чистоту.

Однако, как любит повторять повелитель храма, такова необходимость.

Кардинал Дженгвай продолжает свою речь, не ведая того, что между ним и смертью стоит лишь микрограмм давления моего указательного пальца. Он проповедует, а моя мозговая аугметика возвращается к поискам. Машина работает осторожно, в достаточной мере цензурируя и лишая контекста каждую совпавшую фразу или строку учения, чтобы предотвратить риск разращения моего слишком ценного разума. И тем не менее, несмотря на все усилия аугметики, я вижу, как совпадения сплетаются вместе в единый узор перед мысленным взором.

Похоже, служение высшей идее является главным мотивом в обращении кардинала, и, естественно, на первый взгляд, он говорит об Императоре. Но Империя Т'ау треплется о своем Высшем Благе, и даже культы генокрадов предлагают отдать все, что имеешь, их нечистым Детям Звезд. Неубедительная взаимосвязь.

Затем аугметика предупреждает о более чем ста процентах лингвистического совпадения между словами кардинала и понятии о тирании правды. Имперское кредо – единственная истинная религия в Галактике. Все остальные вероисповедные системы ложны, а их приверженцы, в лучшем случае, заблуждающиеся глупцы или же, что гораздо вероятнее, опасные девиантные личности, от которых нужно избавиться владения Императора. Все знают об этом. Тем не менее, наблюдая за складывающимися вместе информационными точками, я вижу, что это верование также находит глубокое отражение и в обоих ксеноучениях, которые угрожают совратить людей Кастака. В таком случае, эту взаимосвязь я также отодвигаю на второй план.

Итак, речь продолжается: настороженность по отношению к врагам веры, абсолютное право

властвования, уверенность в том, что именно данное вероисповедание является настоящим избавлением от всех бед Галактики, и лишь так человечество сможет спастись, в то время как все другие религии низвергнут людей в обрыв, откуда выбраться уже не представится возможным. Вероисповедания будут смешиваться одно с другим до тех пор, пока я не смогу найти одну единственную истину.

Все прочие сохранившиеся в Галактике верование украли свои догмы и взгляды у слова Императора. Они являют собой лишь лживые отголоски имперского кредо. Но тогда что насчет находящейся подо мной цели? В основе проповеди кардинала лежит именно это умозаключение, и несмотря на то, что его слова подверглись когитаторному анализу, который посрамил бы даже сотрудников разведки оперативного пункта, я больше не уверен в преданности Дженгвая. Призывай он открыто сбросить цепи имперского гнета или обратиться к поклонению Высшему Благу, все оказалось бы куда проще. Окажись он столь дерзким, и ничего этого бы не потребовалось, лишь мое присутствие и моя пуля.

Быть может, если аугметика позволила бы мне ознакомиться с более однозначными примерами соответствующего языка или фигурами речи, я бы смог лучше определить различия... но нет, это неприемлемый риск для моей праведности в качестве инструмента имперского правосудия.

Прикованный к месту под взглядом горгулий, я держу свое тело абсолютно неподвижным, мое оружие находится в состоянии полной боевой готовности, в то время как разум лихорадочно работает, обрабатывая все то, что я увидел, услышал и узнал.

Дело в том, что, хоть многие и назовут подобное утверждение еретическим, различные вероисповедания, проповедуемые жрецами Империиума, культов генокрадов и т'ау очень похожи друг на друга, и без конкретных недвусмысленных изречений отделить одно от другого практически невозможно.

Неудивительно, что эта зона боевых действий превратилась в столь витиеватое месиво.

В итоге, мое решение простое.

Я не могу полагаться на эмпирические свидетельства, чтобы приговорить или же спасти человека, которого меня послали убить. Мои смертные чувства, какими бы превосходными они не были, все же могут ошибиться. Они оставляют место для сомнений. Те, кому стоило бы сначала разузнать все получше, а не портить мою совершенную службу Императору, поставили меня в очень трудное положение.

Не мне выносить окончательное решение. Лишь Повелитель Человечества может это делать.

И если я не способен вынести решение, то не мне исполнять приговор. Я вернулся к своему истинному предназначению - простое оружие, фокус для правосудия Императора.

Он бы не поставил меня здесь, сейчас, без причины.

Получается, кардинал испорчен каким-либо из вероисповеданий чужаков. В этот самый момент его приговаривает одно лишь мое присутствие.

Палец едва сжимается на спусковом крючке. Винтовка слегка дергается в моей хватке, ее чудовищную отдачу обуздывает технология столь священная, что я даже не пытаюсь осмыслить эти сокровенные тайны.

Там, на сцене подо мной, речь кардинала внезапно обрывается.

Приговор Императора исполнен.

Сомнения - грех, который нельзя терпеть.

Это была последняя проповедь Дженгвая.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Смертельная_Вера_-_The_Killing_Creed_\(рассказ\)&oldid=12637](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Смертельная_Вера_-_The_Killing_Creed_(рассказ)&oldid=12637)

Эта страница в последний раз была отредактирована 20 апреля 2020 в 21:58.